

«ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ»

К истории неосуществленного замысла М. Горького

Как правило, литературное наследие великого писателя уже по составу своему разнообразно и многослойно. Оно включает в себя обычно не только законченные произведения, мысли и наблюдения, отчеканенные в совершенные художественные образы. Литературное наследие великого писателя обнимает вместе с тем и незавершенные его работы, черновые наброски, фрагменты, не получившие окончательной художественной отделки, но представляющие тем не менее зачастую незаурядную идейную и эстетическую ценность. Заметной и значительной составной частью этого наследия являются также неосуществленные замыслы писателя, о которых порой мы можем судить лишь по беглым упоминаниям в переписке или же в мемуарной литературе, но которые позволяют нередко лучше уяснить тенденции его творчества, широту и размах его интересов и исканий.

Плодовитость свойственна многим гениальным художникам, кровно связанным со своим временем, со своим народом, живущим богатой и разносторонней исторической жизнью. Обилие жизненных впечатлений, насыщенность опытом, высокая идейность, страстное желание вмешаться в то, что творится вокруг, — одно поддержать и воспеть, другое заклеить и ниспровергнуть, — рождают обычно у такого художника все новые и новые темы, все новые и новые образы, которые волнуют и тревожат его, не дают отвлечься, побуждая к большой и напряженной работе. ума, воли, сердца и фантазии.

Подобная плодовитость в высшей степени отличает творчество Горького, писателя редкостного трудолюбия, являвшегося «чувствилищем», «глазами, ушами и голосом» самого передового и революционного в истории человечества класса.

Множество ярчайших свидетельств охватывавшей его творческой активности можно найти в письмах Горького к Е. П. Пешковой, И. П. Ладыжникову, К. П. Пятницкому и другим. Крайне характерно в этом отношении письмо его К. П. Пятницкому, относящееся к октябрю 1901 года.

Это было нелегкое для Горького время, когда на него градом обрушились всевозможные полицейские репрессии. Но ничто не в состоянии было нарушить его творческое самочувствие. «Я охвачен неким пламенем! Хочу работать, хочу — страстно. И что мне министры, прокуроры, приговоры? Это ерунда! — убежденно заявляет он. — Это ничему не мешает!» Что для писателя это действительно так, что в самом деле не в силах были царские министры и прокуроры всерьез помешать Горькому работать, помешать ему мыслить, создавать, творить, подтверждает другое горьковское письмо, отправленное тому же адресату двумя неделями позднее.

В нем Горький сообщает о своем намерении написать «цикл драм», давая каждой из намеченных им четырех пьес краткую, но чрезвычайно четкую и выпуклую характеристику. «У меня уже готовы планы, — пишет Горький, — я вижу — лица, фигуры, слышу голоса, речи, мотивы действий — ясно, все ясно! Жаль — у меня две руки и одна голова. В этой голове все путается, в ней — шумит, как на ярмарке, порою все скатывается в один клубок, скипается в одну бесформенную грудку, становится мне тогда тошно, досадно, сердце давит мысль о том, что не успеешь, а я хочу успеть». И далее следует типично горьковское восклицание, как бы подытоживающее и освещающее новым светом сказанное раньше: «Здоровая, славная штука — жизнь! Вы чувствуете это?»

Красочно обрисована в этих (и во многих других) письмах необычайная стремительность, с которой вырастали нередко у Горького его художественные замыслы. Но, разумеется, неправильно было бы заключить отсюда, будто Горькому был свойствен какой-то импровизационный подход к своей литературной работе, будто он спешил возможно скорее от вспыхнувшего в его сознании замысла перейти к его осуществлению. Бывало, понятно, в некоторых случаях и так. Чаще, однако, между возникновением первоначального замысла и образным его воплощением у Горького проходили годы, а иногда даже и десятилетия. Для него весьма характерным следует считать многократное возвращение к одному и тому же замыслу, многократная «примерка» к увлекшим его образам и

проблемам, подробный анализ заинтересовавшего его замысла в различных аспектах и планах, невиданное упорство в решении поставленной перед собой художественной задачи. Хочу подчеркнуть, что я говорю сейчас именно о процессе многократного возвращения Горького к своим замыслам, а не о темпах литературного оформления окончательного текста произведения. Темпы эти подчас у Горького чрезвычайно высоки.

Образцами необыкновенного творческого упорства великого пролетарского писателя, в конце концов дававшего свои богатые результаты, могут послужить «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина». Замысел «Дела Артамоновых», как известно, возник еще в начале 900-х годов, замысел «Клима Самгина», по свидетельству самого Алексея Максимовича, — вскоре после революции 1905—1906 годов. К этому указанию Горького надо добавить, что самым ранним зачатком будущей книги о Самгине является, по-видимому, план романа «Жизнь г. Платона Ильича Пенкина», датируемый (по характеру почерка) концом 90-х или началом 900-х годов¹. В обоих этих случаях, как видим, путь от замысла к книге определяется примерно четвертью века.

С не меньшим упорством шла работа над замыслом произведения о Степане Разине, жанр которого в представлениях Горького, видимо, не раз менялся. В итоге в 1922—1923 годах был написан киносценарий «Степан Разин», довольно тщательно исследованный в нашем горьковедении. Это бесспорно интересное произведение; надо полагать, однако, что оно лишь в малой мере «вобрало» в себя носившиеся перед творческим воображением писателя образы.

Целый ряд других горьковских замыслов вообще не был художественно реализован, хотя они длительное время — как уже говорилось, иногда десятилетия! — волновали его и приковывали к себе напряженное его внимание. Таких замыслов можно перечислить немало. Но, быть может, ни один из них не привлекал с такой силой писателя, как пьеса в стихах о новгородском богатыре Василии Буслаеве. Занимала тема эта Горького, без преувеличения можно сказать, почти всю его сознательную жизнь. Если бы замысел пьесы о Буслаеве был осуществлен, мы, несомненно, обогатились бы совершенно изумительным по своему размаху горьковским произведением. И притом, — эту сторону дела необходимо специально выделить, — произведением, выросшим непосредственно на фольклорной основе, созданным в соответствии с тем кругом эстетических идей и установок, которым Горький всегда придавал исключительно большое значение.

Роль фольклора во всем, что Горький делал и сделал, громадна, — и не удивительно, что при соприкосновении с любой стороной творческой деятельности Горького приходится говорить и о проблеме фольклора. Хорошо известно, что, с его точки зрения, «индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах». Эти строки написаны в 1908 году, но и позднее великий писатель не изменил своей точки зрения. Уже в советское время он писал В. М. Саянову (13 сентября 1933 года) по поводу отражения «творчества устного в литературе «писаной»: «Думая по этой линии, мы, возможно, открыли бы и показали технику создания крупнейших типов всемирной литературы и, может быть, нашли бы прототипы их в народном творчестве...»

Естественно, чем больших масштабов были замыслы Горького, тем чаще и настойчивее в связи с ними обращение его к фольклору. Вот показательный пример. В том же 1908 году, когда обнародованы были процитированные выше строки, Горький задумал написать повесть «История Кузнечихи». «Это, — делится он с К. П. Пятницким своими планами, — деревня, с ее охотниками, артистами, изобретателями, историками, лавочниками, святыми и кликушами, мечтателями и дельцами. В рамки этой истории я вложу все, что знаю о деревне, все, о чем догадываюсь и что могу выдумать, не нарушая внутренней правды. Беру все это с внутренней стороны как процесс культуры и освещаю на протяжении лет 50-и. Такая книга — необходима, мне кажется, — продолжает Горький, — но, чтобы написать ее, мне нужно страшно много читать и, главным образом, по фольклору. Мне хочется сделать эту вещь эпически простой, немногословной, стройной». Обращение к фольклору характеризует и работу писателя над «Степаном Разиным»

(стоит, между прочим, отметить тут введение им во второй вариант киносценария колоритной фигуры песенника Бориса). Но думаю все же, когда речь идет об «Истории Кузнечихи» или «Степане Разине», вернее всего будет говорить об элементах фольклора, которые должны были органически войти в художественную ткань этих произведений; что же касается «Василия Буслаева», то в данном случае фольклор лежит в самом основании замысла.

В художественных произведениях Горького, в его статьях, речах и письмах перечислен и очерчен целый ряд фольклорных героев. Многие из них дороги писателю, однако первым в этом ряду должен быть назван безусловно Василий Буслаев. В цитированном уже письме к В. М. Саянову относительно издания фольклорных памятников мы читаем: «Начать издание следует с былин и в первую голову дать новгородокне — «Буслаева», «Садко» — как наиболее рриги-нальные». А в другом письме, к К. А. Федину, от 21 декабря 1932 года, дается лапидарная формулировка, как бы подводщая итог его многолетним размышлениям: «Васька Буслаев — не выдумка, а одно из величайших и, м. б., самое значительное художественное обобщение в нашем фольклоре».

Васька Буслаев предметом неустанных творческих изысканий Горького стал еще во второй половине девяностых годов, если не раньше. Множество интереснейших данных, касающихся этого его любимого замысла, рассыпано в письме к О. Д. Форш от 8 июня 1930 года. Как и все горьковские письма Форш, оно написано в полусутоливом тоне, но по содержанию своему очень серьезно:

«О Василии Буслаеве могу сообщить нижеследующее: в 97 году XIX-го века аз, многогрешный, соблазнен бых картинками художника Рябушкина и тотчас же начал сочинять «плачевную трагедию, полную милой веселости», как назвал свою «Жизнь Камбиза» Том Престон. (Сопутствующая мысль: какой я образованный, ах, какой образованный! И, наверное, буду велик, подобно Ивану Бунину.) Сочинял, и—Ваську начал у меня превышать, заслонять Потанюшка Хроменький, направляя ладью Васькиных мечтаний на скалы и мели внутренних противоречий. Васька в Иордань-реке купаться хочет, а Потаня, зная географию, говорит ему: «А текёт она, Ердань-река, а текёт она в море Мертвое». Мамёлфа Тимофеевна внушает Васе: «Люби воду текучую», окаянная Девка-Чернавка требует с него биологической дани, во сне ему снится обаятельная Дева-Вьюга, и вообще — получилась чертовщина. Бросил. Но, живя на Капрее, снова взялся за этот сюжет и многожды говорил о нем с Амф[итеатровым], — он фольклор знает, хотя — очень внешне. Не думайте, что я его в чем-то подозреваю, нет! Но он тоже соблазнился «сюжетом» и, на мой взгляд, обработал его очень поверхностно, хотя и путано. При чем тут Римлянин? Васькина трагедия — очень строга. Действуют в ней, кроме него, — Мать Мамёлфа, Чернавка, Потаня-скептик, Костя Валужанин [?] — человек факта, и двоеглавый и даже треглавыи Мужик Залешанин. Вот и все»

Итак, тут намечаются два этапа работы над пьесой о Буслаеве — один, относящийся к концу XIX и, может быть, началу XX века; другой — к годам пребывания на Капри. Был, по всей вероятности, и третий этап работы над пьесой — в первые пореволюционные годы, о чем подробнее будет сказано ниже.

Попробуем, взяв основной канвой письмо к О. Д. Форш и привлекая попутно и другие материалы, определить некоторые моменты в развитии горьковского замысла.

Что прежде всего представляют собой «картинки» Рябушкина и чем они могли «соблазнить» Горького?

Андрей Петрович Рябушкин — один из тех художников, которых принято обычно называть «второстепенными». Однако в русской живописи конца XIX и начала XX века он занимает пусть скромное, но вполне определенное место. В своем творчестве он продолжал реалистические традиции передвижничества, охотно обращаясь к темам народной, по преимуществу крестьянской жизни. Главные, наиболее известные его работы посвящены быту Московской Руси

XVII века. Много внимания он уделял также фольклору и в 1895 году выпустил альбом «Русские былинные богатыри».

В 1898 году в Петербургском журнале «Шут» были помещены восемь иллюстраций А. П. Рябушкина к былине о Ваське Буслаеве — они-то как раз и заинтересовали великого писателя. Таким образом, начало работы над пьесой «Васька Буслаев» следует отодвинуть на несколько более поздний срок, чем тот, который указан в письме к О. Д. Форш¹ 2. В былинах о Ваське Буслаеве, как известно, рассказываются два «сюжета», связанных с именем этого фольклорного героя: первая группа былин повествует о юности Буслаева и борьбе его с «мужиками новгородскими», вторая изображает отъезд Василия на «богомолье» во Святую землю, кощунственное его поведение во время паломничества и смерть богатыря-ушкуйника на Фавор-горе. «Картинки» А. П. Рябушкина иллюстрируют только первую былину о Ваське Буслаеве, воспроизводя все основные ее моменты; в качестве подписей к этим рисункам даны пространные цитаты из былин.

Безусловно, рисунки эти не относятся к лучшему, что создал Рябушкин, — они сделаны грубовато, лубочными приемами. Но это, возможно, и привлекло в какой-то мере Горького, увидевшего в них своеобразное отражение народного взгляда на фольклорных героев. Буслаев у Рябушкина огромный, дородный детина, озорник, к которому действительно страшно подступить. Когда он ввязывается в драку, чувствуется, что в самом деле остановить его ничем нельзя. В то же время для дружинников своих он хороший товарищ.

Надо думать, Горькому был знаком и альбом «Русские былинные богатыри». Там образ Василия Буслаева разработан подробнее, глубже и раскрываются такие стороны его характера, о которых по рисункам в журнале представления себе, пожалуй, не составишь. В альбоме Василий изображен на фоне старинного Новгорода, стоящим на деревянном мосту. По мосту туда и обратно идут и едут простолюдины — «молодые люди» — и разодетые, богатые «гости торговые». Вдали виднеется собор. Особенно обращает на себя внимание выражение лица Василия Буслаева. Брови немного сдвинуты, в глазах, устремленных вдаль, проступает какая-то сосредоточенная мысль, — кажется, что юный богатырь, отрешившись от окружающей его сутолоки, задумал что-то большое, значительное. Весь его облик, вся фигура — олицетворение огромной силы, физической и нравственной, богатырских устремлений, которые Василий в состоянии осуществить.

Среди журнальных рисунков Рябушкина по своим художественным достоинствам выделяется второй по счету — «Дружинушка хорабрая Василия Буслаева». А среди дружинников запоминается Потанюшка Хроменький — с реденькой бородкой, с острыми, пронзительными глазами. При взгляде на него невольно в памяти встает выразительная горьковская характеристика.

«Картинки художника Рябушкина» явились, понятно, лишь поводом для возникновения замечательного замысла Горького. Он был внутренне подготовлен к этой теме — и оттого сумел так много почерпнуть из, в сущности, небогатого художественного материала.

Немало дает для уточнения горьковского замысла упоминание о Томе (вернее, Томасе) Престоне — ныне позабытом английском драматурге XVI столетия, которого, однако, в свое время цитировал сам Шекспир.

Не совсем ясно, правда, что именно Горький знал о Престоне. На русском языке, по имеющимся у нас сведениям, «Жизнь Камбиза» не появлялась. Крайне сомнительно, чтобы Горький — в конце прошлого века — мог познакомиться с ней в английском оригинале или же в переводах на западноевропейские языки. Но он мог узнать о ней из третьего тома «Всеобщей истории литературы», под редакцией В. Ф. Корша и А. И. Кирпичникова, — издания хорошо ему известного, о котором он положительно отзывается в своей переписке (см. в тридцатитомнике

сочинений Горького, т. 28, стр. 32, 63, 86 и т. 29, стр. 68, 155). А во «Всеобщей истории литературы», кратко говорящей о Престоне, имеются ссылки на другую книгу «Предшественники Шекспира» Н. Стороженко, где «Жизни Камбиза» уделено несколько страниц.

«В шестидесятых годах XVI столетия, — пишет Н. Стороженко, — на лондонских передвижных сценах имела большой успех трагедия Камбиз, сочиненная Томасом Престоном, бывшим воспитанником Кэмбриджского университета. Самое заглавие ее весьма характеристично и способно привести в отчаяние поклонников Сенеки. Как бы в насмешку над классической теорией, которая считала непременно условием всякой трагедии единство патетического настроения, автор назвал свою пьесу плачевной трагедией, полной веселых шуток (a lamentable tragedy, mixed full of pleasant mirth). Хотя содержание Камбиза заимствовано из классических источников (Геродота и Юстина), но обработка его обличает в авторе сознательное желание примкнуть к традициям народного театра... От музыки, песни, театральной пьесы и т. п. народ требовал, чтоб она или глубоко взволновала его, или рассмешила до слез; если же эти результаты достигались вместе одной и той же песней или пьесой — тем лучше... Имея это в виду, мы легко можем понять, почему трагедия Престона пользовалась такой популярностью, что даже много лет спустя о ней невольно вспомнил сэр Джон Фальстаф в ту торжественную минуту, когда он, приняв на себя роль короля Генриха IV, собирался прочесть взволнованным голосом отеческое увещание принцу Гап-ри. Действительно, в ней было много такого, что должно было привести в экстаз народную аудиторию XVI века. Мистерии и моралите давно уже приучили народ к сценическим эффектам, к богатому и разнообразному содержанию, к разным переходам — от высокопатетического к грубо комическому, — и все эти драгоценные качества современная публика нашла совмещенными в трагедии Престона. Можно себе представить, с каким замиранием сердца она следила за той ужасной сценой, где, по приказанию Камбиза, с живого Сизамна сдирают кожу... как потом этой кожей обивают стул, на который должен сесть его Сын! И таких сцен не одна, а много, потому что пьеса замечательно длинна... Но этим не ограничиваются сюрпризы, приготовленные для зрителей предусмотрительным автором. Чтб дать им вздохнуть и приготовить свои нервы для будущих истязаний, он пересыпал всю пьесу забавными выходками шутов, вставил между кровавых сцен целые комические эпизоды, в которых действует популярнейший характер моралите, Порок — прототип шекспировского клоуна — вселившийся на этот раз в личность Амбидек-стера»¹.

Столь обширная выписка понадобилась для того, чтобы лучше выяснить, что могло привлечь Горького в пьесе Престона. Это прежде всего, надо полагать, ее жанр, основанный на том, что «сцены ужасные и патетические чередуются с сценами веселыми и карикатурными»¹ 2. Принцип построения «Жизни Кам-биза», ее жанровое своеобразие и выражены Престоном в причудливом и броском заголовке, который, видимо, страшно понравился Горькому и который он через тридцать с лишним лет воспроизвел в письме к О. Д. Форш почти дословно.

Не мешает добавить, что Н. Стороженко, а вслед за ним и составители «Всеобщей истории литературы» оценивали «Жизнь Камбиза» чрезвычайно сурово, заявляя, что в художественном отношении эта пьеса стоит ниже всякой критики, и откровенно обвиняя автора в том, что он стремится поддаться к дурным вкусам публики. Горький, однако, как нетрудно догадаться, подобные обвинения во внимание не принимал. Наоборот, «сознательное желание примкнуть к традициям народного театра» могло лишь возбудить его симпатии к старинному английскому драматургу.

Ссылка на Престона позволяет поставить вопрос о жанре задуманного Горьким произведения. Пьесу свою о Василии Буслаеве он, как видно, намерен был строить на резкой смене, на контрастности сцен, совершенно различных по своей окраске и звучанию. Былины о новгородском богатыре-ушкуннике давали для такого построения пьесы богатейший материал, и Горького, конечно, ничуть не смущали в образе былинного героя подробности, шокировавшие кое-кого из тогдашних фольклористов.

Вот один из ученых того времени, профессор И. Н. Жданов, — о нем, между прочим, имеется ироническое упоминание в «Жизни Климса Самгина», — в своей книге «Русский былевой эпос», без сомнения известной Горькому, писал:

«Непривлекательны были задатки нравственного характера Василья: он рано стал обнаруживать дурной задор, жестокость, наклонность к буйству и насилию.

Поводился ведь Васька Буслаевич Со пьяницы, с безумницы,

С веселыми удалыми добрыми молодцы.

Допьяна уж стал напиваться.

А и ходя в городе уродует:

Которого возьмет он за руку,

Из плеча тому руку выдернет;

Которого заденет за ногу,

То из... ногу выломит;

Которого хватит поперек хребта,

Тот кричит, ревет, окарачь ползет» !.

С такой поверхностной, непроницательной и недоброжелательной оценкой былинного героя, характерной не только для И. Н. Жданова, горьковская оценка колоритной фигуры Васьки Буслаева расходится самым решительным образом. Горький высоко ценит «дерзкое и пылливое озорство Васьки Буслаева», его дерзкий ум, «для которого нет святынь неприкосновенных и который не верит «ни в чох, ни в сон, ни в птичий грай». В то же время Васька для Горького мечтатель, ладыя мечтаний которого то и дело натывается «на скалы и мели внутренних противоречий». Озорство его вовсе не бесцельно; оно — результат глубокой неудовлетворенности, упорных и бесплодных поисков «последней правды»; оно 'освещено чувством острого протеста, протеста, в конечном счете, социального, что, кстати, было в общих чертах отмечено еще Белинским.

Горький, следовательно, видит в Василии Буслаеве гораздо больше, чем можно усмотреть при близоруком, буквоедском «исследовании» былинных текстов. Недаром он говорил в 1920 году о Буслаеве К- А. Федину: «Нет богатыря более русского — любил молодец землю, поозоровал на ней, но и потруился славно!»

Необычайно значительно — при всей своей краткости — замечание Горького в письме к В. М. Саянову: «Интересно указать, как образ «богоборца» Прометея, постепенно снижаясь, опустился до Васьки Буслаева с его «кощунством»...»

Здесь важно не только указание на то, что образ Васьки Буслаева снижен. Неизмеримо важнее, что в этом сниженном образе озорника, выходки которого действительно принимают нередко безобразный характер, великий писатель различает творческое, прометеевское начало. Ничего подобного, разумеется, мы не найдем ни у Н. И. Костомарова, ни у И. Н. Жданова, ни у В. А. Келтуялы, ни у С. К. Шамбинаго — ни у одного из историков и фольклористов, писавших о Василии Буслаеве. Такая трактовка новгородского богатыря принадлежит целиком и полностью Горькому.

Единственным фрагментом пьесы, который Горький обнаружил (в воспоминаниях об А. П. Чехове), является, как известно, «хвастливый Васькин монолог», обращенный к Саваофу.

Когда же он был написан? Читал Горький монолог этот Чехову в присутствии доктора А. Н. Алексина, что, по данным «Летописи жизни и творчества А. М. Горького», могло произойти не раньше января и не позднее 23 апреля 1902 года *. Записал свои воспоминания об этом Горький в 1914 году, опубликовал впервые — в 1923 году. Зная, как Горький работал над своими произведениями, подготавливая их к печати, можно предположить, что и монолог был отшлифован им сызнова. Вряд ли, однако, при этом изменилась основная суть написанного много лет назад.

Невозможно назвать Васькину «похвальбу» иначе как гениальной:

Эхма, кабы силы да поболее мне!

Жарко бы дохнул я — снега бы растопил,

Круг земли пошел бы да всю распахал.

Век бы ходил — города городил,

Церкви бы строил да сады все садил!

Землю разукрасил бы — как девушку,

Обнял бы ее — как невесту свою.

Поднял бы я землю ко своим грудям,

Поднял бы, понес ее ко господе:

— Глянь-ко ты, господи, земля-то какова,— Сколько она Васькой изукрашена!

Ты вот ее камнем пустил в небеса,

Я ж ее сделал изумрудом дорогим!

Глянь-ко ты, господи, порадуйся,

Как она зелено на солнышке горит!

Дал бы я тебе ее в подарочек,

Да — накладно будет — самому дорога!

Этот знаменитый монолог, в семнадцати строках которого сосредоточено громадное поэтическое содержание, — один из высших взлетов гения Горького. Изумительную емкость приобрел в его интерпретации образ богатыря-ушкунника. Это былинный Васька Буслаев со всеми присущими ему родовыми чертами, как его создала и каким видела в течение веков народная фантазия. И вместе с тем в этом образе подняты и выявлены его потенциальные возможности, высвобождено и развито то, что существовало в нем незаметно, подспудно. Оставаясь самим собой, нисколько не теряя своей самобытности, Васька Буслаев оказывается носителем самых дорогих и близких Горькому идей и чувств. В его озорстве раскрывается благородная человеческая гордость собой, своим человеческим достоинством, своим трудом, украшающим и преображающим мир. Здесь слышится переключка со словами Сатина о том, что Человек — это звучит гордо. И здесь же с

исключительной художественной силой воплощена любимая горьковская мысль, которую он так настойчиво пропагандировал уже в советское время, — мысль о создании «второй природы».

В этом замечательном монологе Василий Буслаев предстает перед нами утверждающим себя, радостным, вдохновенным, могучим. Но этим отнюдь не исчерпывается весь Буслаев. Горький писал О. Д. Форш о Васышной трагедии, трагедии, которая кончается, как о том сказано в былинах, гибелью богатыря. Понять и раскрыть в художественных образах закономерность и неизбежность трагического конца Васьки — такова, очевидно, была задача писателя. И тут перед ним стала вырисовываться, о чем он сам повествует, другая фигура — дружинника Василия Буслаева, скептика Потанюшки Хроменького.

Следует сравнить то, что написано о Потане-скеп-тике в письме к О. Д. Форш и в очерке 1929 года «На краю земли».

Горький описывает Крайний Север нашей страны: «Часто мелькают сочные, чеканные слова края, все еще богатого знатоками, «сказателями» былинного творчества. И невольно вспоминаешь «времена стародавние», «удалую побывальщину», людей несокрушимой воли, героев норманских саг, новгородских «ушкуйников» и Потанюшку Хроменького, одного из дружинников Васьки Буслаева. Хитер был Потанюшка, он не спорил против Васькина желания искупаться голым в Иордань-реке, где крестился Христос и где разрешалось купаться только в рубахах; он не спорил против Васьки, но хорошо сказал ему:

А течет она, Иордань-река,

А течет она — в море Мертвое...»

Как видим, в двух местах у Горького мечте Васьки Буслаева противопоставляется скепсис Поташошки Хроменького, и в обоих случаях противопоставление это выражено совершенно одинаково. Если добавить, что среди черновых заметок Горького в его архиве сохранилась запись:

[Потаня]

А впадает Ердань-река В Море Мертвое —

то напрашивается вывод, что эта горьковская «заготовка» является одной из основных для обрисовки взаимоотношений Васьки и Потанюшки.

Относительно греховного желания новгородского богатыря голым искупаться в Иордань-реке говорится в различных вариантах былины о паломничестве Василия Буслаева во Святую землю.

У Кирши Данилова оно звучит следующим образом:

И походит Василий ко дружине Из Иерусалима на свой червлен корабль;

В та поры его дружина хорабрая Купалася во Ердане-реке,

Приходила к ним баба залесная,

Говорила таково слово:

«Почто вы купаетесь во Ердане-реке?»

А некому купатися, опричь Василья Буславьевича —

Во Ердане-реке крестился сам господь Иисус Христос; Потерять его вам будет большого Атамана Василья Буслаевича».

И они говорят таково слово:

«Наш Василий тому не верует ни в сон, ни в чох»^{1 2}.

По-иному этот эпизод рассказан в варианте, записанном А. Ф. Гильфердингом.

Пришел Василий сын Буслаевич,

Окупался в матушке Ердань-реке,

Идет та девушка-чернавушка,

Говорит Васильюшку Буславьеву:

«Ай Василий сын Буслаевич!

Нагим телом в Ердань-реки не куплются, Нагим телом купался сам Иисус Христос!

А кто куплется, тот жив не бывает»

Известны также и другие варианты былины.

Ни в одном из них, однако, нет и намека на какой-либо спор или разговор Васьки и Потанюшки, вызванный желанием атамана дружины искупаться нагим телом в Иордань-реке. И вообще в фольклоре индивидуальной характеристики Потанюшка Хроменький, как, впрочем, и остальные дружинники Васьки Буслаева, лишен начисто, хотя имя его у сказителей встречается довольно часто. То, что он «скептик», — всецело вымысел Горького, который мог при этом опираться на традиции народного творчества, где создана целая галерея героев-скептиков.

Смелое развитие должны были получить у Горького и другие образы былин, в частности образ девушки-чернавушки, требующей с Василия «биологической дани», тогда как его увлекает обаятельная Дева-Вьюга. Этого момента в былине тоже нет. Ясно, что в пьесе предполагалось широко развернуть любовную тему. Но намеки на нее в письме к Форш чрезвычайно скупы, и возможно, что в творческом воображении художника она еще не приняла определенных очертаний.

Результаты первого приступа к работе над пьесой автор сам охарактеризовал словами: «получилась чертовщина». Вторично Горький к пьесе этой обратился на Капри. Надо думать, что здесь его работа продвинулась вперед, однако насколько и в каком направлении, не совсем ясно.

Проанализируем некоторые факты, относящиеся к каприйскому периоду.

В марте 1912 года Горький в не дошедшем до нас письме обещал Ф. И. Шаляпину написать либретто для оперы «Васька Буслаев». По ответному письму Шаляпина, от 25 марта 1912 года, можно судить о впечатлении, произведенном на него этим обещанием: «Страшно обрадовал ты меня, дорогой Алексей Максимыч, твоим последним письмом. Я... в огромном восторге от Васьки Буслаева. Вот это штука! Вот это вещь!.. Эх, черт побери, как хочется сварганить эту работу, какое несказанное спасибо тебе, мой дорогой Максимыч».

Далее Шаляпин высказывает свои соображения насчет композитора для оперы:

«У меня раскорячился ум насчет композитора! Глазунов едва ли возьмется писать, Рахманинов — мне кажется, у него нутро не такое — не подойдет он к Буслаеву. Есть такой молодой композитор — сын бывшего артиста Стравинского. Этот молодой человек кое-что уже написал и, между прочим, один балет под названием «Петрушка». Этот балет с огромным успехом давали в прошлом году в Париже. Я думаю притащить его к тебе — сначала, конечно, я позондирую почву и постараюсь понять, насколько способен этот молодой человек приступить к такой вещи, как Буслаев».

«Словом, — пишет Шаляпин, — я в восторге!!!

Дай только бог, чтобы все это вышло!... Спасибо за Ваську! Уррррра!» 1

Когда читаешь это письмо, непреодолимо возникает ощущение, что Горький не просто обещал Шаляпину написать оперное либретто, а что он поделился с ним своими конкретными творческими планами. Уж очень бурно реагировал Шаляпин на сообщение Алексея Максимовича. Так ли это, однако, сказать трудно. Горьковское письмо Шаляпину, к величайшему сожалению, утрачено.

Помогают несколько «расшифровать» горьковские замыслы каприйского периода свидетельства мемуаристов — писателя А. А. Золотарева и кинорежиссера Ю. А. Желябужского (сына М. Ф. Андреевой).

У А. А. Золотарева запечатлелось в памяти, что как раз в этот период Горький много работал над фольклорными источниками совместно с А. В. Луначарским. «С Анатолием Васильевичем Луначарским за время 1908-9 годов, — пишет в своей рукописи «Горький-каприец» Золотарев, — связаны у меня воспоминания об усиленной работе Алексея Максимовича по фольклору... Интересны были подлинные фольклорные записи Горького, которые он иногда прочитывал для иллюстрации своих мыслей». И далее, в этой связи, мемуарист продолжает: «Боюсь настаивать, но, кажется, что именно в это время Горький рассказывал отдельные сцены своего «Васьки Буслаева», тоже так и не законченного им. Мне запомнились силуэты Мамелфы Тимофеевны и Девки Чернавки в мастерской передаче Алексея Максимовича» *.

Интересные подробности относительно горьковских замыслов каприйского периода мы находим у Ю. А. Желябужского. Беседуя с сотрудниками архива А. М. Горького, он, между прочим, указывал на то, что «у Алексея Максимовича были темы, о которых он мечтал по многу лет. Одной из таких тем был Степан Разин, затем — Василиса Премудрая, Васька Буслаев и Девка Чернавка. Эти эпические образы его очень привлекали». В другой беседе Желябужский более полно рассказал об этих замыслах великого писателя: «Алексей Максимович страстно увлекался историей Новгорода, считал ушкуйничество одним из интереснейших явлений русской истории и говорил, что Васька Буслаев является ярким выразителем героических черт народа. Наряду с Василием Буслаевым он говорил об Мамелфе Тимофеевне, о Девке Чернавке. Алексей Максимович многократно говорил о своем желании написать произведение, в котором нашли бы отражение образ Василия Буслаева и образы женщин героического характера. Собирался Алексей Максимович также написать о Василисе Премудрой, как о замечательном народном образе мудрой русской женщины. Не раз Алексей Максимович передавал устно сюжет поэмы на эту тему, но так и не оформил ее письменно» 1 2.

К каприйскому же периоду (предположительно к 1912—1913 годам) следует отнести, по всей вероятности, девять заметок к «Буслаеву», набросанных на отдельных листках и фиксирующих какие-то важные для автора моменты работы (одна из них воспроизведена выше). Сами по себе записи эти, сделанные писателем для самого себя, достаточно неопределенны, и разгадать, какой смысл вкладывал в них Горький, подчас весьма затруднительно. Однако сопоставление этих набросков с другими данными позволяет прийти к небезынтересным выводам. Обращает прежде всего на себя внимание, что в большинстве своем эти записи так или иначе связаны с Великим

Новгородом. Чувствуется затем, что, по Горькому, кое-кто в Новгороде, очевидно верхушка города, новгородская знать, недоволен Василием, его поведением, его бунтарскими речами. Этим, должно быть, и объясняются упреки по его адресу:

Больно ты, Василей, красно говоришь,

А красное-то слово недалеко от лжи.

Жить бы те, Василею, в Нове-городе,

Делать бы дело Новгородское.

В свою очередь и Василий мало сказать недоволен — он возмущен тем, что вокруг него происходит. Ему скорее всего принадлежат реплики:

Разгневаюсь, и душа моя

Ощетинится серым волком.

Полонили меня вьюги зимние.

Лютые морозы оковали душу мою,

В двух записях говорится о новгородских женщинах.

Одна запись — здравица на пиру у Василия Буслаева:

А еще выпьем, братцы, меду стопу
За жен честных,

За веселых красных девушек,

За Новгород,

За матерей родных.

В другой записи называются имена Мамелфы и Чернавки.

Сравнивая разрозненные горьковские наброски с приведенными на предыдущих страницах рассказами мемуаристов, можно, думается, уяснить некоторые существенные стороны замысла «Василия Буслаева», как он складывался у Горького на острове Капри.

Во-первых, в будущем произведении своем о Буслаеве Горький, по-видимому, намерен был фольклорное начало как-то своеобразно соединить с началом историческим. Возможно, фольклор, фольклорный, народный взгляд на действительность призван был объяснить историю в ее конкретных проявлениях и вместе с тем, возможно также, Горький хотел в фольклоре, в созданных им образах, раскрыть его реальную, историческую основу.

Во-вторых, бесспорно, полагаю, что для Горького в образе Василия Буслаева наряду с чертами «озорника» и богохульца должны были найти свое отражение героические черты русского народа.

В-третьих, помимо самого Буслаева Горький, судя по всему, собирался вывести и женщин героического характера, среди которых, вероятно, в первую голову нужно назвать Мамелфу Тимофеевну, мать Василия. Надо думать, ее образ в известной мере ассоциировался у Горького с теми образами матерей-героинь, которые он неоднократно рисовал в своих произведениях.

Все сказанное в совокупности приводит к заключению, что пьеса или либретто оперы, задуманные Горьким, были для него несомненно социально окрашены, хотя, вполне возможно, философская проблематика вещи являлась в его глазах основной, первостепенной.

Конечно, можно только пожалеть, что нам осталось неизвестным содержание бесед Горького с А. В. Амфитеатовым, в конце концов помешавших Горькому осуществить свой замысел. О том, что эти беседы имели в конечном счете пагубное влияние на судьбу горьковского замысла, красноречиво свидетельствует, помимо письма к О. Д. Форш, разговор Горького с К. А. Фединым, подробно записанный последним в его мемуарах. При первой же встрече с Фединым (в 1920 году) Горький рассказал ему, что при издательстве «Всемирная литература» образована секция исторических картин: «Возник, видите ли, план: создать большую серию драматических картин и инсценировок для кинематографа из истории культур всех народов и веков».

А в одну из последующих встреч завязался чрезвычайно интересный для нас разговор:

«— Я, знаете, очень верю в эту идею исторических картин. Меня самого подмывало написать. И тема была превосходная — Великий Новгород, Василий Буслаев. Нет богатыря более русского — любил молодец землю, поозоровал на ней, но и потрудился славно!

— Что же вам помешало написать?

— Не что, а кто: Александр Амфитеатов поме-^{*}шал. Рассказал я ему о своем намерении, он ухватился — я, говорит, напишу. Ну, что поделаешь: отдал ему, что было собрано у меня о Василии. И вот недавно появилась пьеса: «Васька Буслаев»... Хорошая вещь. Я полагаю — лучшее из всего когда-нибудь сочиненного Амфитеатовым. Но, разумеется, я... не приписываю себе ничего из достоинств пьесы.

Он,— добавляет Федин, — хмурится, молчит, потом со вздохом затягивается и сильно выдувает дым:

— Жалко. Очень хотелось самому написать» *.

Пьеса «Василий Буслаев» была написана Амфитеатовым (ставшим впоследствии белоэмигрантом) в Петрограде, весной 1919 года. Предназначалась она для горьковской серии исторических картин и появи^{*}лась в свет после ряда бесед с Горьким, бесед, начав^{*}шихся еще на Капри и продолжавшихся, несомненно, в революционном Петрограде.

В архиве А. М. Горького на одном из набросков к пьесе о Буслаеве сохранилась запись великого писателя, задававшего себе вопрос — не испортил ли ему Амфитеатов это дело? Запись эта не только показывает, что К. А. Федин точно запомнил свой разговор с Горьким; она наводит вместе с тем на мысль, что о написании «Васьки Буслаева» думал Горький и в первые пореволюционные годы. А сомнения, не испортил ли ему Амфитеатов это дело, не говорят ли о том, что Амфитеатов не только «ухватился» за горьковскую тему, но и использовал — с точки зрения Алексея Максимовича, совершенно неудовлетворительно — какие-то горьковские идеи и образы?

Пьеса Амфитеатрова основана на первом своде былин о Василии Буслаеве, изображающем его юность и богатырский бой со «всеим Великим Новгородом»; паломничества Василия во Святую землю и смерти его на Фавор-горе автор не касается.

Конфликт, разворачивающийся в пьесе, трактуется как конфликт социальный. С одной стороны выступают посадник, новгородская знать, богатые купцы, духовенство, с другой — ушкуйники, которые «наводят на Новгород нелюбье соседское», «молодые люди» и вообще «голь

беспортошная». Защитником ушкуйников и черного люда является Василий Буслаев, несмотря на то, что по происхождению он боярского роду.

О нем озлобленно говорит новгородская знать:

...Разбойником растет. Свое боярство Не ставит он, как видно, ни во что.

А водится с кабацкой рваной голью,

Якшается с младшими...

Но Васька остается «поперечником» и «супротивником» знати, он упорно защищает низы новгородского общества:

— А не дам вам народ на погибель!

Васька отвергает решение вечевого суда, осуждающего ушкуйников, потому что

Молодые люди на вече не спрошены,

Черные люди с веча прогонены,

Смердам на вече доступы нет.

За ушкуйников он заступает во имя торжества справедливости:

— Не для вас, для правды делаю:

Высоко она, правда, в небе стоит,

Светит-греет красным солнышком,

Горит от нее сердце молодецкое*

И так как на его противников слова не действуют, он ввязывается с «мужиками новгородскими» в гомерическую драку:

— Не хотите Ваську добром слушать,

То язык у Васьки не колокол,

Спорить с вами — не к обедне звонить!

Раззудись ты, плечо могутное,

Размахнись, рука богатырская,

Разгуляйся, мой червлёный вяз!

Васька побеждает в борьбе с новгородской знатью, однако мы не станем следить за перипетиями этой борьбы. Отметим лишь, что, когда побежденные приходят к Буслаеву с дарами, он отвергает их приношения:

— Нет, не приму. Прошло гостебье время.

Василий в день состарился один.

Ошиблись вы. Не мир я вам дарую,

Но лишь пощаду. Мира между нами Не может быть. Я волк, а вы собаки,

Я поднебесный сокол, вы грачи.

Я победил вас. Вы согнули спины,

Но между вас мне больше не житье.

Я страшен вам — вы для меня презренны.

Весь ваш уклад — червивой жизни ложь.

Лукавое притворство раболепства,

Да льстивый страх, да ненависть в меду.

Бог с вами! Видно, волку жить с волками!

Мать Буслаева, Мамелфа Тимофеевна, просит сына поберечь свою «буйну голову».

— Поберегу, любя тебя, родная, —

отвечает Василий. —

Мне самому она не дорога.

Хотел бы я, чтоб жизнь моя сгорела Свечою, с двух зажженною концов, —

Недаром бы лишь только пламенела!..

Не жду стяжаний, не ищу венцов,

Но — раз один душой до неба взвиться,

Обнять весь божий мир, всю красоту, —

А там... хоть камнем вниз! Лети убиться В расплату за блаженную мечту...

Можно понять, почему Горький признал пьесу Амфитеатрова (в разговоре с Фединым) лучшей его вещью и в то же время осудил ее (в письме к Форш) как произведение поверхностное и путаное. В пьесе Амфитеатрова, которому Горький отдал все собранные им материалы, отразился в известной мере горьковский взгляд на Великий Новгород и Василия Буслаева, но отразился в искаженном, вульгаризированном виде.

Хочется высказать догадку, что образ сына боярского Буслаева, оказавшегося «поперечником» и «супротивником» новгородской знати, верным другом «молодых» людей, заступником народным, создан под прямым влиянием бесед с Горьким. Но сделано это примитивно, грубо, — и за псевдоисторическими картинками, которые обильно рисует Амфитеатров, пропадает глубокая философская мысль, заложенная в былинах. Весьма вероятно, далее, что черты рыцаря и мечтателя также появились у Амфитеатрова в образе Василия благодаря воздействию Алексея Максимовича. Но и это сделано аляповато, наивно, — вместо того чтобы найти свои краски для

изображения Василия, автор характеризует богатыря-ушкуйника, прибегая к откровенным заимствованиям из горьковской «Песни о Соколе».

Пьеса «Васька Буслаев» не была написана Горьким. Однако работа над ней помогла, без сомнения, писателю в других его произведениях с исключительной психологической прозорливостью открыть в облике русского человека буслаевское.

Четырежды всплывает имя Буслаева в книге «Лев Толстой». Все мы помним горьковское определение этого гениальнейшего русского художника: «В нем, как я думаю, жило дерзкое и пытливое озорство Васьки Буслаева и часть упрямой души протоппа Аввакума, а где-то наверху или сбоку таился чаадаевский скептицизм. Проповедовало и терзало душу художника Аввакумово начало, низвергал Шекспира и Данте — озорник новгородский, а чаадаевское усмехалось над этими забавами души да — кстати — и над муками ее».

Буслаев чувствуется в великолепной фигуре Егора Булычова, который, между прочим, не зря совсем произносит знаменитые слова из былины, звучащие в его устах как народная поговорка:

Смолоду много бито, граблено,

Под старость надобно душа спасать,..

Буслаев чувствуется и в некоторых других горьковских произведениях, в том числе очень известных, но недостаточно изученных.

Наше горьковедение почти не касалось до последнего времени образа Дьякона в «Жизни Клим Сам-гина» и его стихов — о неразменном рубле, о богоматери, дьяволе и слабом человеке, Адаме. А ведь в этих стихах, о которых Лютов говорит: «Гениально!», разрабатываются мотивы, очень близкие к тем, что должны были, как мы угадываем, зазвучать в пьесе «Васька Буслаев».

Это в первую очередь мотив богоборчества. С богом у дьякона Егора Ипатьевского, который отдан был под суд за кощунство и богохульство, отношения сложные, противоречивые. «...Бога я очень люблю, — заявляет Дьякон. — Только у меня требования к нему строгие: не человек, жалеть его не за что». Если Саваоф — творец мира, то на него должна быть возложена ответственность за всю окружающую нас неправду.

Духом борьбы веет от гневных обвинений Дьякона, с которыми он обрушивается на бога после ходын-ской катастрофы:

«— «Господь — ревнив, и мстят господь, мстят господь с яростию, господь мстят сопостатам своим и саг.з истребляяй враги своя»...

— Жестокие, сатанинские слова сказал пророк Наум. Вот, юноши, куда посмотрите: кары и мести отлично разработаны у нас, а — награды? О наградах — ничего не знаем. Данты, Мильтоны и прочие, вплоть до самого народа нашего, ад расписали подробнее и прегрозно, а — рай? О рае ничего нам не сказано, одно знаем: там ангелы Саваофу осанну поют...

— А — за что осанна? Вопросаю: за что осан-на-то? Вот, юноши, вопрос: за что осанна? И кому же тогда анафема, если ада зиждителю осанну возглашают, а?.. Христос рожден тоской по правде, а — Саваоф? А если в Гефсиманском-то саду чашу страданий не Саваоф Христу показал, а — Сатана, чтобы посмеяться? Может, это и не чаша была, а — кукиш? Юноши, это вам надлежит решить...»

В настроениях и устремлениях непримиримого вопрошателя Саваофа, живущего и действующего в конце XIX века, все обусловлено временем, той социально-политической обстановкой, которая сложилась тогда в империи последних Романовых. И вместе с тем сквозит в кощунственных речах

Дьякона нечто родственное ушкуйнику Василию Буслаеву—его острому, испытующему, беспокойному уму, для которого не существует никаких святынь, никаких защищенных традицией верований и предрассудков. Словно протянута через века невидимая нить, соединяющая древнего новгородского богатыря и богохульника «из любви к богу» предреволюционной эпохи.

Родственность, само собой, не означает еще тождественности. Буслаевская «дерзость» преломляется Дьяконом на свой особый, отвечающий его побуждениям лад. Озорство буслаевское ему в корне чуждо, зато близко и понятно буслаевское бесстрашие. Это бесстрашие как раз и делает его подлинно народной фигурой, человеком из породы Буслаевых, хотя черпает он из иных источников, чем герой былины. Обличая пророков, «жестокие, сатанинские слова», которые они произносят, Дьякон сам исполнен пророческого пафоса. Оттого его речь и насыщена так щедро торжественно-скорбными и страстными библейскими интонациями. Чувства и помыслы Дьякона отливаются нередко в формы, взятые у церковников, однако содержание он вкладывает в них мятежническое, глубоко враждебное церковникам. В сущности, формы библии, «священного писания» в том применении, в котором он их использует, — это формы народного творчества, народной поэзии. Так только и следует их рассматривать, когда речь идет о Дьяконе, его протестах против зла мирского и его стихах.

В «Жизни Клима Самгина» эти замечательные стихи приводятся в отрывках, были ли они полностью написаны Горьким — неизвестно. Но для тех художественных целей, которые преследовал Горький в своей повести, нет необходимости превращать ее в антологию стихов Егора Ипатьевского. Фрагменты, которые даны в ней, вполне достаточны для того, чтобы внести в такое сложное, полифоническое произведение, каким является горьковская эпопея, определенную, звонкую и четко различимую ноту.

В стихах Дьякона привычные, освященные веками, лживые представления о боге и человеке переосмыслены в буслаевском духе. И с этой именно точки зрения их и интересно будет в нашей работе проанализировать.

Наиболее полно воспроизводится в повести стихотворение о неразменном рубле. В нем Христос изображен слабым, простоватым, не способным разобраться в земной путанице. И из милостей, которые он оказывает людям, ничего путного не проистекает.

Однажды, рассказывается в стихах, поглядел Христос на землю и увидел — лежит у дороги Васька Калужанин, мечтает о хорошей жизни. Спустился к нему Христос с неба, начал спрашивать: чего ты, Вася, хочешь? Обрадованный Васька стал просить у господина неразменный рубль, который, как его ни трать, всегда остается целым.

Тут у Дьякона дается большой выразительности штрих.

Христос отвечает:

— Денег у меня с собою — нету,

Деньги у Фомы, у казначея,

Он теперь Иуду замещает..,

«— Вернулся Христос на небо, — продолжает Дьякон, — выпросил у Фомы целковый и бросил его Ваське. Запил Василий, загулял, конечно, как же иначе-то?

Пьет да ест Васяга, девок портит,

Молодым парням — гармонь дарит,

Стариков — за бороды таскает,

Сам орет на всю калуцку землю:

— Мне — плевать на вас, земные люди,

Я хочу — грешу, хочу — спасаюсь!

Все равно: мне двери в рай открыты,

Мне Христос приятель закадышный!

— А ужасный разбойник поволжский, Никита, узнав, откуда у Васьки неразменный рубль, выкрал монету, влез воровским манером на небо и говорит Христу: «Ты, Христос, неправильно сделал, я за рубль на великие грехи каждую неделю хожу, а ты его лентяю подарил, гуляке, — нехорошо это!»... Согласился Христос с Никитой: верно, говорит, ошибся я по простоте моей. Спасибо, что ты поправил дело, хоть и разбойник. У вас, говорит, на земле все так запуталось, что разобрать ничего невозможно, и, пожалуй, верно вы говорите, Сатане в руку, что доброта да простота хуже воровства. Ну, все-таки пожаловался, когда прощались с Никитой: плохо, говорит, живете, совсем забыли меня. А Никита и сказал:

— Ты, Христос, на нас не обижайся,

Мы тебя, Иисус не забываем.

Мы тебя и ненавидя — любим,

Мы тебе и ненавистью служим».

Богоборческие мотивы с не меньшей отчетливостью проступают в других стихах Ипатьевского, в которых богоматерь, беседуя с дьяволом, упрекает его: «Зачем ты предал меня слабому Адаму, когда я была Евой, — зачем? Ведь, с тобой живя, я бы землю ангелами заселила!»

Наиболее ярко, однако, богоборчество Дьякона выражено в последнем его двустишии, которое приводится в «Климе Самгине»:

Не Христос — не Авель нужен людям,

Людям нужен Прометей — Антихрист.

До чего все это звучит по-буслаевски! Надеемся, от нас не потребуют специальных доказательств: справедливость этого утверждения легче всего проверить непосредственным читательским восприятием.

Еще раз следует подчеркнуть: мы вовсе не хотим поставить знак равенства между тем, что сказано в стихах Дьякона, и тем, что сказал или собирался сказать Горький в пьесе «Васька Буслаев». Отличия тут явные, бросающиеся в глаза: само имя «Прометей» и ассоциации, которые оно за собой влечет, немыслимы в задуманной писателем «очень строгой» Васькиной трагедии. Но близость круга образов и идей в обоих случаях не вызывает сомнений, и это помогает полнее очертить замысел неосуществленной горьковской пьесы.

Богоборчество — явление, возникшее тысячелетия назад, нашедшее свое отражение и в библии, и в мифологии древних греков, и в их философии, и в их искусстве. В средние века оно приобрело еще большую силу, да и в новое время сохранило немалое значение. Естественно, что явление

столь распространенное, в зависимости от исторических условий многократно менявшее свой характер, богато различными оттенками, выступает во множестве обликов. Зачастую богоборчество окрашено в пессимистические краски: человек героически борется, но он бессилён перед роком.

Это пессимистическое, гнетущее чувство проникновенно передано в стихотворении Тютчева «Два голоса», в первой его строфе:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,

Хоть бой и неравен, борьба безнадежна, —

Над вами светила — молчат в вышине, —

Под вами могилы — молчат и оне.

По-другому истолковано и прочувствовано богоборчество Горьким — и в стихах Дьякона, и в «хвастливом Васькином монологе», обращенном к Саваофу. Для горьковских героев характерно отношение к богу как к существу, очень дурно организовавшему мир, существу не слишком умному и далеко не во всем справедливому, — в иных же случаях, как мы видели, о нем прямо говорится, что он является «зихдиделем ада» на земле и что людям, следовательно, не за что петь ему осанну. Это в богоборчестве горьковских героев крайне важный момент, который теснейшим образом связан у писателя с возвеличением человека, его творческой энергии, его активности, его ни с чем не сравнимой роли в созидании новой, лучшей жизни на нашей планете. В споре человека с богом (а под этим псевдонимом у Горького часто выступает фактически природа, внешняя необходимость) Горький не просто на стороне человека — он настойчиво утверждает и вдохновенно поэтизирует превосходство человека над всеми противоборствующими ему силами.

Однако, о чем у нас шла уже речь, горьковская пьеса «Васька Буслаев» — это трагедия, и гибель ее главного героя неизбежна и закономерна. Как тут быть, спрашивается, согласуется ли одно с другим? На наш взгляд, безусловно согласуется, потому что трагедийный исход бурной и буйной жизни новгородского удальца обусловлен, предрешен самим складом его беспокойного и требовательного характера.

Хотя Васька и мечтает «изукрасить» землю, сделать ее «изумрудом дорогим», что для правильного понимания его чрезвычайно важно, нельзя все же сказать, чтобы в этом состоял основной стержень его души. Почитайте повнимательнее его монолог (в очерке «А. П. Чехов»). Благородное стремление строить города, насаждать сады осложнено здесь другим непреодолимым стремлением — показать свою силушку богатырскую, силу человека и поиздеваться над господом богом, который только и сумел, что пустить землю камнем в небеса. И второй элемент в монологе для характеристики Васьки Буслаева не менее существен, чем первый. Если рассматривать этот монолог лишь как гимн в честь труда, — а так именно и отнесся к нему Чехов, — то следует безоговорочно присоединиться к чеховскому совету Горькому: «Две последние строчки — не надо, это озорство. Лишнее...» Однако похвальба Васькина не сводится к этой значительнейшей, без сомнения, теме человеческого труда, украшающего землю; вообще она, эта похвальба, не есть нечто самостоятельное, обособленное, а представляет собой составную часть крупного и многотемного произведения, часть большого и сложного идейно-художественного комплекса. А раз так, то последние строчки монолога вовсе не лишние: Васька непременно должен хвастаться, выхваляться перед Саваофом, — в противном случае будут утрачены самые резкие и характерные для него черты.

Сила Василия Буслаева (так и в фольклоре, и у Горького) прежде всего в отрицании, в отчаянном протесте, в решительном несогласии с тем, что он видит вокруг себя и чему смолоду его пытались учить. И затем (тут Горький развивает вглубь имеющееся в былинах) сила богатыря в

напряженных поисках правды — правды настоящей, беспримесной, всеобъемлющей, не поддающейся никаким кривотолкованиям. Василий Буслаев ищет такую правду, которая убедила бы и удовлетворила его в полной мере. Суррогатами правды, предлагаемыми со всех сторон — обществом, церковью, религией, — заменителями ее он довольствоваться не может и не хочет. Отсюда его раздоры со «всеим Великим Новгородом», или, лучше сказать, с верхами его — с теми, кто управляет и устанавливает законы. И отсюда же его желание все испытать, проверить, попробовать, так ярко сказывающееся во время его паломничества во Святую землю. Но так как правду ему отыскать не удастся, а силушка у молодца по жилушкам переливается, то искания его превращаются в блуждания и метания, и он начинает озорничать, нарушая все нормы добропорядочности, к великому ужасу людей, которые в старину именовались «лучшими», а теперь называются, на горьковском языке, мещанами.

Васька Буслаев, по утверждению Горького, неутомимый мечтатель. И мечты его, показывает писатель, огромны и прекрасны. Но они внутренне противоречивы. Каковы эти внутренние противоречия, мы постарались только что в самых общих чертах расшифровать. Однако Горькому нужно было в своей пьесе раскрыть их в зримой, образной форме — индивидуализированной и обобщенной в грандиозный символ, — и это, вероятно, представлялось особенно заманчивой и особенно трудной задачей для художника.

Развертыванию одолевавших Василия противоречий содействует, по Горькому, Потанюшка Хроменький. Он отсекает крылья Васькиных дерзновений своими скептическими изречениями. И этому в ходе работы над пьесой Горький придал такое значение, что Потанюшка начал в его глазах превышать и заслонять самого Буслаева.

Образы скептиков проходят через творчество Горького длинной чередой, освещенные острым интересом писателя. Не станем говорить сейчас о скептиках в его вещах реалистически-бытового наполнения. Вернемся на минуту к стихам Дьякона, которые выше уже разбирались. Там, как это отмечено и подчеркнуто возгласами Лютова, скептик Фома замещает предателя Иуду. Как понять это замещение, как истолковать его — вопрос особый, и многое тут оставлено на додумку читателя. Но знаменательна взаимосвязь, которая устанавливается между скептицизмом и предательством, — они, правда, не уравниваются, однако читателю внушается мысль, так ли уж они далеки друг от друга.

В «Песне о Соколе» олицетворением скептицизма является Уж. И Горький не жалеет ни сатирических стрел, ни гневных укоров, избличая его низменную натуру. По адресу скептиков провозглашает писатель свое знаменитое: «Рожденный ползать — летать не может». Скептицизм этот порожден неумением понять, что такое истина, где свет, в чем смысл и цель подлинной, настоящей жизни. Формально, разнореча с Соколом, Уж как будто оказывается правым: он остается цел, а Сокол, рвущийся к небу, гибнет. Но правота Ужа хуже всякой неправды, потому что она служит оправданием жалкой слепоты, самодовольно выдающей, себя за зрячесть и отрицающей все светлое, смелое, героическое, все, что связано с риском, что требует самоотверженности и подвига.

Скептицизм Ужа осужден и развенчан Горьким, противопоставившим ему героическую устремленность, стойкость и убежденность Сокола. Можем ли мы, однако, соотношение Сокола и Ужа перенести без оговорок и поправок на Ваську Буслаева и Потанюшку Хроменького? Весьма сомнительно, чтобы мы вправе были это делать. Такие герои горьковской поэзии, как Сокол, как «пророк победы» Буревестник, как Девушка (из сказки «Девушка и Смерть»), олицетворяют силы, твердо знающие, чего они хотят, чего надо добиваться, по отношению к ним скептицизм — преступление, равносильное предательству. Так ли это, позволительно спросить, по отношению к Ваське Буслаеву, не обладающему знанием того, к чему надлежит ему стремиться и за что бороться? Не является ли в некоторых случаях скептицизм Потанюшки здоровым скептицизмом, направленным на разоблачение иллюзий Буслаева? Не случайно, наверно, говоря, что Потанюшка

был «хитер», Горький находит, что он «хорошо сказал» Василию насчет его желания искупаться голым в Иордань-реке.

Бесцельны, разумеется, попытки договорить или дописать за Горького то, что сам он не договорил и не дописал. Таким претензиям не место в историко-литературном исследовании. Что касается сделанных здесь замечаний, то они, собственно, клонятся только к тому, чтобы обрисовать, дать почувствовать всю сложность и все огромное богатство поднятой Горьким проблематики.

Несомненно, что Горький любовался Василием Буслаевым и высоко ценил его как определенный тип русской жизни, выработанный народом в условиях крайне трудных и неблагоприятных. Несомненно, что Горькому по сердцу были активность Буслаева, его пытливость, его неукротимость и непримиримость. И что «прыгал» он и что озорником был — все это, с точки зрения Горького, не отрицательные, а положительные его качества. Но — следует добавить: на определенном историческом этапе. Буслаев дорог был великому пролетарскому писателю как свидетельство яркой талантливости русского человека в ту пору, когда он не мог еще найти надлежащего применения своим недюжинным силам, когда возможности его оставались поэтому главным образом возможностями, реализуемыми лишь в незначительной мере.

Истинные герои Горького, конечно, не Буслаев, не озорники, а Сокол и Буревестник, Нил и Рашель, Павел Власов и Степан Кутузов, и в первую очередь величайший человек современности, «Человек человечества» — Владимир Ильич Ленин.

1955-1963